

Д.С. КИДИРНИЯЗОВ
(Махачкала)

**СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ВЕКТОР
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.**

На фоне сложных исторических событий в последней четверти XVIII в. рассматривается роль и место Северного Кавказа в международных отношениях. Показано, что именно здесь была зона соперничества с традиционными противниками Российской империи – Портой и Персией. Кроме того, регион в силу географического положения являлся ареной столкновения российских и западноевропейских интересов.

Ключевые слова: *Россия, Турция, Запад, Кавказ, Крым, Иран, правительство, ориентация, подданство, армия, политика, война, мирный трактат.*

В рассматриваемое время позиции Российской империи в международных отношениях укрепились. После подписания Тешенского мирного трактата в 1779 г. и с принятием декларации «О вооруженном нейтралитете» в 1780 г. Петербург все увереннее проводил свою самостоятельную внешнюю политику, чему способствовало сближение с французами, установление мирных взаимоотношений с Веной. В рассматриваемый период Петербург поставил в политическую и экономическую зависимость Крымское ханство [21, с. 467]. Такую благоприятно сложившуюся для страны обстановку российское правительство решило использовать для включения Крымского полуострова в состав России. Когда османы узнали о планах Петербурга, Порты решила помешать их реализации. В связи с этим с 1780 г. русско-турецкие взаимоотношения обострились. Северокавказский край стал одной из важных территорий в борьбе Российского государства с султанской Турцией за Крым [16, с. 185].

С 80-х гг. XVIII в., с присоединением Крыма и подписанием Георгиевского договора 1783 г., Петербург начинал планомерно

проникать на Кавказ, который давно составлял зону интересов Персии и Порты. Важную роль играл Северный Кавказ как геополитический и стратегический регион на южных рубежах российского государства. Утверждение какой-либо из противостоявших держав, расположенных между Черным морем и Каспием, давало возможность занимать ключевое место в судьбах народов Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии.

Успешности политики российского правительства на Северном Кавказе способствовало и политическое положение в регионе. В крае часто происходили феодальные междоусобицы, распри между влиятельными князьями и т.п. В связи с этим народы Северного Кавказа не могли сами защититься от агрессивной политики восточных держав – шахской Персии и Османской империи. В этих условиях, с активным возрастанием напряжения со стороны Персии и Порты, сильно росла пророссийская ориентация со стороны владельцев как Дагестана, так и Северного Кавказа в целом [10, с. 114–145, 148–149].

Кроме того, присоединение в 1783 г. к России Крыма сыграло огромную роль в судьбах северокавказских народов. Местные народы избавились от разорительных набегов крымского хана, бравших с них дань людьми. Народы региона, освободившись от притязаний османской Порты и ее вассала – Крымского ханства, попали в сферу прогрессивного экономического и культурного влияния российского государства.

В начале 80-х гг. XVIII в. по распоряжению князя Г.А. Потемкина на Азово-Моздокской укрепленной линии – в Моздоке, Георгиевске и Ставрополе – были построены амбары и лавки для торговых отношений с населением Дагестана, кабардинцами, адыгами, осетинами, чеченцами, ингушами и другими местными народами [12, с. 306, 316–317]. Имея обширные земли на Северном Кавказе в своих руках, российские власти указом от 5 мая 1785 г. решили оформить ее включение в империю юридическим актом – созданием Кавказского наместничества из двух областей (Астраханской и Кавказской). С открытием наместничества Предкавказье было полностью вклю-

чено в государственно-административную систему российского государства [34, с. 23].

В марте 1785 г. в северокавказском крае началось народно-освободительное движение во главе с шейхом Мансуром, которое продлилось до лета 1791 г. Движение Ушурмы (шейх Мансур. – Д.К.) сначала возникло на Северо-Восточном Кавказе и при этом имело глубокие социальные и общественно-политические корни. Этим можно объяснить, что в начале движения к повстанцам примкнули вайнахи, адыги, ногойцы, кумыки, лакцы и др. Затем, отчасти под влиянием османов, движение шейха Мансура приобрело антиимперскую направленность и создало определенную угрозу позиции России на Северном Кавказе [1, с. 34–36; 6, с. 95].

Следует отметить, что основной причиной создания антирусской коалиции местного населения являлась не только активная агитация Порты, но и сама жесткая политика, которую проводило российское правительство в крае, ее наступление на суверенитет местного населения. Успех движения Ушурмы содействовал росту его влияния в регионе. К шейху Мансуру приходили все новые сторонники. Стремясь закрепить успех, шейх Мансур два раза пытался захватить Кизлярскую крепость, но оба раза терпел поражение и отступал [11, с. 71].

Необходимо указать, что кизлярский комендант постоянно вмешивался во внутренние дела владетелей Северного Кавказа, зачастую и без повода, требуя от них аманатов. Известный кавказовед проф. Ш.Б. Ахмадов указывал на причины участия чеченцев в антиколониальном движении: «торговые связи Чечни с Россией в конце XVIII в. не получили должного развития, так как экономические мероприятия царских властей, таможенные пошлины, меновые дворы и всякие другие запреты сдерживали это развитие, что в свою очередь вызывало недовольство народа, <...> обостряло напряженность отношений между чеченскими обществами и царскими властями» [7, с. 384–385].

Однако в сентябре 1785 г. кизлярским властям сообщали о поддержке некоторыми дагестанскими владетелями – тарковским шамхалом, казикумухским ханом, кадием Табасаранским, уцмием Кайтагским и др. – движения шейха Мансура [5, с. 41]. Следует отметить, что к повстанцам присоединились также лакцы из Казикумуха, кумыки и ногойцы Засулакской Кумыкии [8, с. 59]. Кроме того, ведущее место заняли такие князья, как эндиреев-

ский владетель Али-Султан и адыгский владетель Дол [15, с. 71].

Следует отметить, что в начале движения под руководством Ушурмы отношение дагестанских владетелей к нему было неоднозначным [25, с. 356–357]. Например, тарковский шамхал Муртузали, аварский правитель Умма-хан, казикумухско-кюринский Нурмагомед-хан и его наследник Сурхай-хан открыто не поддержали Ушурму [33, с. 137–138, 142]. В ответ на призыв шейха Мансура аварский правитель заявил: «ведь у России сил много, а у дагестанцев нет сил и средств, и поэтому дагестанцы не могут воевать против России. Это и Дагестану никакой пользы не даст» [31. Д. 52. Л. 121]. Тарковский правитель Муртузали лишь отправил своего сына в лагерь восставших. Возможно, определенную роль сыграли здесь и первые неудачи Ушурмы, и антифеодальная направленность самого движения, а также действия русских войск против повстанцев [36, с. 169]. Все чаще отряды шейха Мансура рассеивались русскими отрядами, а попытки силой провести мобилизацию и обложить местное население налогами популярности Ушурме не добавляли. Так, аксаевские и эндиреевские князья обратились к генерал-губернатору П.С. Потемкину с просьбой простить их и изъявили желание «кестли когда чеченцы и мычигышцы будут чинить вред нам или кизлярским народам, то согласились с ними драться» [32, с. 200].

Изначально задумывалось, что шейх Мансур совершит поход в горы и в Кабарду. Российское командование на Кавказе не без опасения следило за всем происходящим в Чечне. Вначале русское командование пыталось уговорить повстанцев оставить Ушурму, но безрезультатно. Позже русское командование направило против шейха Мансура военные силы во главе с полковником Пиери. Русским отрядам удалось захватить вайнахское селение Алды, но на обратном пути они были разбиты [7, с. 396–398].

Стремясь развить успех, шейх Мансур летом 1785 г. решил штурмом взять г. Кизляр, но безрезультатно [29. Д. 350. Ч. 7. Л. 60]. Затем он направил свои отряды в Большую Кабарду, желая привлечь к повстанцам свежие силы. Однако в начале ноября 1785 г. в районе Тартупа Ушурма потерпел новое поражение от российских войск [7, с. 404].

К середине 1786 г. социальная база движения во главе с шейхом Мансуром начала неуклонно сужаться. Многие участники движения стали обращаться к русскому командова-

нию на Северном Кавказе с просьбой о прощении. Ближайшие сподвижники шейха Мансура – кабардинский князь Дол, кумыкские бии Али-султан и Хаджи-Муртузали Чопановы, ногайский князь К. Мансуров, осетинский алдар Дударов и некоторые другие князья – покинули восставших и перешли на сторону российского командования [6, с. 95; 15, с. 73].

Между тем турецкий султан хотел использовать это движение в своих интересах. В сентябре 1786 г. Ушурма ездил в Анапу по приглашению закубанского ногайского князя Мансурова. Несмотря на то, что российским командованием были приняты меры по задержанию Ушурмы при переходе через р. Кубань, он вместе со своими сподвижниками скрыто перебрался в Кабарду, а оттуда через горы ушел в Закубань [30. Д. 364. Ч. 4. Л. 165].

В сентябре 1786 г. вновь усилились попытки российских властей захватить шейха Мансура в плен. Вскоре он успешно вернулся в Чечню. В мае-июне 1787 г. Ушурма усилил свою агитационную деятельность в Чечне, настаивая на необходимости собрать войско среди местных жителей для защиты своих имуществ и жилищ от царских войск. Он проводил собрания во многих вайнахских селах. Такое же мероприятие было проведено и в его родном селе Алды. Шейху Мансуру удалось собрать ополчение в 1 тыс. человек. Сюда входили чеченцы, аварцы, эндиреевские, аксаевские кумыки и ногайцы. Однако из-за ряда безуспешных военных действий в Чечне, Засулакской Кумыкии и Кабарде, а также перед предстоящей русско-турецкой войной Ушурма вынужден был перебраться в Анапу [Там же. Д. 416. Л. 350].

Султанская Порта, не желая примириться с потерей Крымского полуострова и Правобережной Кубани и опираясь на поддержку западноевропейских держав (Англии и Франции), развязала новую войну с Россией (1787–1791 гг.). До официального начала российско-османской войны (7 сентября 1787 г.) 21 августа османский султан отправил воинские отряды из крепости Суджук-Кале к Ушурме с целью организовать совместное вторжение с народами Закубанья в пределы России. Ушурма руководил двумя крупными операциями на Северо-Западном Кавказе: 20 сентября 1787 г. большие силы ногайцев и западных черкесов во главе с шейхом Мансуром атаковали российские позиции между Лабой и Урупом, но были отгеснены русскими отрядами. Вскоре (в октябре) шейх Мансур с ногайцами и западными черкесами вновь попытались в районе

р. Уруп отгеснить русские части, но безуспешно [8, с. 62]. Одна часть приверженцев шейха Мансура приняла подданство России, другая отступила за р. Лабу. Сам же шейх Ушурма с большим трудом отступил в кр. Анапа. Ногайцы, жившие в устье Лабы, принесли присягу на верность России [20, с. 369].

Когда же осенью 1787 г. Ушурма переправился через Кубань для агитации против российских властей, абазинцы, ногайцы, карачаевцы и черкесы отказались признать его своим духовным главою. Местные народы, жившие в верховьях Кубани и на Зеленчуках, явились к российской администрации и изъявили желание быть подданными России. Ногайский князь А. Ахлов, абазинские старшины родов Лоова, Кяча, Трамова, владельцы М. Бибердов, И. Лоов и др. принесли от имени своих обществ присягу и приняли подданство России. В залог своей верности они дали заложников из наиболее знатных фамилий. Г.А. Потемкин докладывал царице Екатерине II 1 декабря 1787 г., что «знатное число черкесов переселено в Кавказскую губернию, абазинцы и ногаи перешли в русское подданство, присягнув на верность России» [3, с. 29].

Весной 1788 г. османский султан планировал направить большие воинские отряды через Западный Кавказ для захвата Крымского полуострова. Немалые надежды при этом султан возлагал на помощь северокавказских народов. Чтобы поднять местное население на борьбу с Россией, сюда были направлены султанские эмиссары. Стал активным и шейх Мансур. Он побывал у абазин, наврузовских ногайцев и призвал их участвовать в военных операциях против России [6, с. 273]. Обратился Ушурма с письмами-призывами и к народам Центрального и Северо-Восточного Кавказа. В частности, в одном письме указывалось, «чтоб здешние жители веру крепко держали и соблюдали и с русскими не мирились». В Дагестан, в частности к хану Аварии, были посланы от османского правителя немало денег с просьбой, чтобы аварский хан оказал помощь шейху Мансуру [26, с. 64].

Однако надеждам османов не суждено было сбыться. Османскому султану так и не удалось организовать в регионе антирусское восстание. 1 ноября 1788 г. главнокомандующий войсками Кавказской линии ген. П.И. Текелли докладывал, что все местные народы «за всеми обращениями остались при своих местах» [29. Д. 481. Л. 82]. Ни ценными подарками, ни угрозами агитаторы турецкого султана не смогли поднять северокавказские наро-

ды на борьбу против России. Так, российский генерал Горич, адыг по происхождению, исходя из личных наблюдений и на основе многочисленных сообщений, которые поступали из горной зоны Дагестана, в своем донесении от 3 февраля 1788 г. кн. П.С. Потемкину указывал: «Хотя здесь со стороны турков распространяемые разные слухи, как-то об отправке турецких войск на Кавказ и в Дагестан, рассеиваются, но горцы сами видят, что то несбыточно <...> я нахожу во всех горских народах доброе к нам расположение и, если угодно будет вашей светлости, могу собрать войско из них» [10, с. 155–156]. Кроме того, специально отправленный в Дагестан для анализа «касательно верности тех владельцев в расположении» к России и выяснения, «нет ли подсылок от Порты», поручик Навруз-Али Имангулов (по происхождению из терских ногайцев) по возвращении подтвердил, что, несмотря на все старания османских эмиссаров, местное население остается верным России и что все жители «желают безмерно» быть под покровительством России, «почему более ханы страшатся приклониться на приглашение Порты» [29. Д. 487. Л. 25–30].

В 1790 г. султанская Порта двинула в центральную часть Северного Кавказа 30-тысячную армию под командованием Батал-паши. Кроме того, на стороне османов находилось 15 тыс. адыгов. С этим походом турецкий султан связывал далеко идущие планы. Подчинение Кабарды, территория которой имела большое военно-стратегическое значение, составляло одну из основных целей этого похода. Батал-паша рассчитывал захватить Кизляр, оказать давление на Дагестан и Южный Кавказ, укрепиться на побережье Каспийского моря и в целом на Кавказе [16, с. 190; 21, с. 489]. Религиозной пропагандой и подкупом султанская Турция рассчитывала восстановить против России и привлечь на свою сторону все мусульманские народы края [9, ч. 2, с. 217]. Однако надежды османского правителя на этот раз не оправдались. Северокавказские народы, за исключением небольшой части местной аристократии, отказались поддержать Порту. Кроме того, в штурме Анапы отличились отряды под командованием кабардинского князя А. Хамурзина. Совместно с русскими отважно сражались и представители всех народов региона. Российское правительство отметило наградами и воинскими чинами ряд северокавказцев. Так, дагестанцы Г. Чепалов, М. Ахматханов, У. Хамзин, Д. Таймасханов, Х. Алишев, А. Аджиев, А. Алхасов,

осетины Е. Кабатиев, А. Туганов, К. Байгирев, кабардинцы А. Атажукин, М. Татарханов, Т. Наурузов и др. получили различные воинские звания [9, ч. 2, с. 258–259]. Такая позиция местных народов способствовала победам русских войск.

В сентябре 1790 г. русские отряды во главе с генералом И.И. Германом одержали победу над войсками Батал-паши. В плен был взят и сам османский главнокомандующий. Некоторые представители северокавказских народов участвовали в сражении на стороне русских [27, с. 268; 39, с. 146]. Победа русских войск над превосходящей по численности турецкой армией произвела огромное впечатление на народы Закубанья. После этой битвы западные черкесы (темиргоевцы, махошевцы и др.) и ногайцы стали просить русское подданство и вскоре были приведены к присяге [22, с. 208].

Ногайцы, жившие по р. Лабе, просили у российского командования разрешения переселиться на Правобережную Кубань. Вскоре они в числе 2 тыс. семейств были переведены в пределы Кавказской линии. Вместе с ногайцами сюда также переселилось до 390 армян [6, с. 311].

Между тем, согласно сведениям русских лазутчиков, наблюдавших за вайнахским селением Алды, стало известно, что посланный из с. Эндирей к анапскому паше сын узденя Баммат-аджи Бекир привез от Батал-паши письма, при этом он уверял чеченцев, будто бы «Батал-Паша с сильным корпусом турок, артиллерией <...> тянется к Кубани, к которому также будто и кабардинцы присоединятся на действие в границы наши, почему все чеченцы, принимая сие за правду, без изъятия готовятся на скопища <...> и что все их наклонение есть при случае скопища напасть к Кизляру» [35. Д. 258. Л. 19].

В конце сентября 1790 г. генерал-майор Савельев сообщал кизлярской администрации о том, что, по доходящим до него сведениям, «некоторые горские народы собирают войски с намерением идти на Кизляр и другие районы» [Там же. Л. 49]. Согласно данным чеченского исследователя Ш.Б. Ахмадова, в это время шейх Мансур находился в Чечне. Своим приходом в Чечню в середине 1790 г. Ушурма хотел продолжить борьбу против царизма [6, с. 312–313]. В этот период новый главнокомандующий Кавказским корпусом генерал С. Булгаков был очень озадачен энергичными действиями Ушурмы по мобилизации вайнахов и народов Дагестана для вторжения

в Кизлярскую крепость и другие российские укрепленные пункты. Командующий Кавказским корпусом генерал С. Булгаков потребовал от генерал-майора Савельева, а последний, в свою очередь, от кизлярских властей разведать, где находится в данное время Ушурма и не присоединились ли к нему войска джентуаевского владетеля Ахмед-хана и тарковско-го шамхала [35. Д. 2578. Л. 63].

В конце 1790 г. С. Булгакова сменил на посту командующего Кавказским и Кубанским корпусом генерал-аншеф И.В. Гудович. В конце января 1791 г. он прибыл на Кавказскую линию и стал готовиться в поход на Анапу. Пока шли приготовления российских войск, османы прилагали усилия, чтобы поднять местное население региона против России. Весной 1791 г. османский султан разослал среди северокавказских народов фирман, в котором призывал к войне с русскими. Ушурма, находившийся в Анапе, также рассылал свои письма к местным народам, призывая их к борьбе с царскими войсками [6, с. 313–314].

9 мая 1791 г. генерал И.В. Гудович с 11 батальонами пехоты, 1900 егерями, 24 эскадронами кавалерии и 20 орудиями двинулся в путь к Анапе. На соединение с командующим Кавказским и Кубанским корпусом шел также отряд генерал-майора Загряжского.

Отправляясь в военную экспедицию, российское командование хорошо понимало, что успех похода зависит от того, как поведут себя народы Закубанья. И.В. Гудович, опытный стратег и большой дипломат, дал знать местным владетелям, что он идет с войсками в Анапу с целью бить османов, с которыми Россия ведет войну [38, с. 234–235]. Для укрепления нормальных отношений с местным населением российские власти предпринимали некоторые шаги. Так, И.В. Гудович приказал отпустить на волю адыгов, нападавших с оружием в руках на фуражиров. Вдобавок российским войскам было предписано не травить и не топтать посевы местных жителей. За всем этим командующий следил очень строго [6, с. 314].

После долгой осады 22 июня 1791 г. русские войска под началом генерала И.В. Гудовича штурмом взяли Анапу. Было захвачено 95 крупных орудий, турки потеряли в сражении около 8 тыс. человек, в плен попало 14 тыс. человек. Среди пленных также оказались комендант гарнизона Анапы Мустафापаша и Ушурма [24, с. 414–415; 37, с. 48]. Взятый в плен шейх Мансур был отправлен в Петербург и вскоре приговорен к пожизнен-

ному заключению. Умер он в апреле 1794 г. [33, с. 160].

Таким образом, народно-освободительное движение 1785–1791 гг. под руководством шейха Мансура, начавшееся как восстание чеченцев против царизма и местной феодальной верхушки, вскоре вызвало большой резонанс во всем крае, что объяснялось общностью целей народов Северного Кавказа в освободительном движении. Шейху Мансуру удалось привлечь под свои знамена многие северокавказские народы [4, с. 167]. Следует отметить, что в силу объективных причин объединение местного населения в борьбе с царской Россией основывалось на исламе. Отмечая положительную роль мусульманской религии в деле консолидации северокавказских народов, необходимо подчеркнуть, что религиозная идеология отчасти затемняла политические цели освободительного движения.

29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен мирный трактат между Россией и Турцией. Договор не дал России новых территориальных приобретений на Северном Кавказе, но укрепил ее позиции в Предкавказье. Согласно статье 6 мирного трактата, османы подтверждали, что признают Кубань «границей в той стороне между обеими договаривающимися сторонами» [22, с. 210]. Таким образом, большинство закубанских народов (ногайцев и адыгов и др.) были оставлены за Портой, с тем, однако, чтобы османы не допускали с их стороны «в пределы Российской империи набегов» и «разорений Российско-Императорским подданным и их селениям» [33, с. 162].

Победа России в войне с османами произвела большое впечатление на определенную часть северокавказской знати. Например, летом 1791 г. адыгские представители (нагухайцы и хегаки) объявили о вступлении в российское подданство [9, с. 233].

Между тем российские власти приняли решение заселить русским населением Правобережную Кубань. Так, в конце июня 1792 г. Екатерина II пожаловала Черноморскому казачьему войску в «вечное владение» Тамань и земли по правобережью р. Кубань [23, с. 14]. После переселения сюда казаков эта территория получила название «Черномория». В 1793 г. был основан административный центр Черноморского казачьего войска г. Екатериноград [28, с. 43]. С конца XVIII в. началось активное заселение русским и украинским населением Кубани.

Следует отметить, что Ясский трактат имел немалое значение как для российского государства, так и для северокавказских на-

родов. Договор 1791 г. закреплял присоединение Кабарды, Балкарии, Осетии к России. В 1791 г. в российскую столицу прибыла депутация, состоявшая из князей Кумыкской плоскости, шамхала Тарковского, правителя Дербентского и др. правителей Северо-Восточного Кавказа с просьбой о принятии ими подданства России. Через два года, в апреле 1793 г., генерал И.В. Гудович вновь принял присяги о российском подданстве владетелей Засулакской Кумыкии и тарковского шамхала. Осенью того же года дербентский хан Ших-Алихан также присягнул на подданство России [2, с. 294–459].

Вместе с тем Петербург, занятый борьбой с Францией и не желавший осложнять внешнеполитическое положение России, решил пока не принимать в российское подданство владения, находящиеся в «западно-южной стороне» Каспия [19, с. 459].

В то же время в северокавказском регионе действовали эмиссары Порты. Они распространяли фирманы турецкого султана, адресованные ко всем местным мусульманским народам. В указе султана, в частности, отмечалось, что османы отправили своего посланника в Петербург с требованием «отказаться от Крыма и Кабарды» [10, с. 163]. Османский правитель также сообщал, что в будущей войне с Россией его поддержат Франция, шахский Иран и др. В связи с этим османский султан призывал все народы региона готовиться к войне с русскими [22, с. 208].

Между тем весной 1797 г. войска персидского правителя Ага-Мухаммед-хана вторглись в пределы Северного Кавказа. Над местными народами снова нависла угроза порабощения. Однако опасность миновала после убийства иранского шаха летом того же года [10, с. 172].

Политическая обстановка в регионе с уходом иранских войск складывалась в пользу Российской империи. Персия на некоторое время была отвлечена борьбой правящей знати за шахский трон. Кроме того, российское правительство стремилось к улучшению отношений с Портой и стало проявлять больше миролюбия, осторожности и уступчивости в делах с османами.

В 1799 г. по просьбе Грузии Россия ввела свои войска в Тбилиси. Большинство дагестанских правителей по-прежнему добивались подданства России. Согласно желанию шамхала, владетелей Табасарана, кайтагского уцмья Рустема и других владетелей, российское правительство объявило о принятии их в подданство [17, с. 146].

Однако Петербург, не желая обострения отношений со Стамбулом, не решился включить Дагестан в состав России. Как известно, в этот период Россия принимала активное участие во второй антифранцузской коалиции европейских государств [18, с. 96].

Литература

1. Абдулаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII–XIX в. Махачкала, 2006.
2. Акты Кавказской археографической комиссии: в 12 т. Тифлис, 1866. Т. 2.
3. Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957.
4. Алиева С.И. Ногайские тюрки. Баку, 2010.
5. Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): основные направления, методы и последствия. М., 2012.
6. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. М., 2010.
7. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Грозный, 2002.
8. Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. Махачкала, 1994.
9. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Спб., 1869.
10. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
11. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2007.
12. Гугов Р.Г. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999.
13. Джахияев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала, 1985.
14. Договоры России с Востоком политические и торговые. Спб., 1868.
15. Идрисов Ю.М. Очерки истории северных кумыков. Махачкала, 2014.
16. История Адыгеи. Майкоп, 2009. Т. 1.
17. История Востока. М., 2004. Т. 4. Кн. 1.
18. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. Махачкала, 2009.
19. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
20. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. М., 1957. Т. 2.
21. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV–XVIII вв. Махачкала, 2000.
22. Кидирниязов Д.С., Рабаданова А.У., Гарунова Н.Н. Дагестан в политике России, Ирана и Турции в середине 90-х гг. XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5. Ч. 1. С. 207–210.

23. Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1896.
24. Корольков М.Я. Шейх-Мансур Анапский (Эпизод из первых лет завоевания Кавказа) // Русская старина. 1914. № 5. С. 414–415.
25. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957.
26. Мусхаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. Майкоп, 2006.
27. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1.
28. Ратушняк В.Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978.
29. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Оп. 194.
30. РГВИА. Оп. 194/1.
31. РГВИА. Оп. 194/2.
32. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988.
33. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.
34. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
35. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 1.
36. Чечня. История и современность. М., 1996.
37. Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002.
38. Шишов А.В. Схватка за Кавказ (XVI – XXI вв.) М., 2007.
39. Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1.
- * * *
1. Abdulaeva M.I. Dagestan v politike Osmanской imperii vo vtoroj polovine XVIII–XIX v. Mahachkala, 2006.
2. Akty Kavkazskoj arheograficheskoj komissii: v 12 t. Tiflis, 1866. T. 2.
3. Alekseeva E.P., Kalmykov I.H., Nevskaja V.P. Dobrovol'noe prisoedinenie Cherkessii k Rossii. Cherkessk, 1957.
4. Alieva S.I. Nogajskie tjurki. Baku, 2010.
5. Arsanukaeva M.S. Gosudarstvenno-pravovaja politika Rossijskoj imperii v Chechne i Ingushetii (XIX – nachalo XX vv.): osnovnye napravlenija, metody i posledstvija. M., 2012.
6. Ahmadov Sh.B. Imam Mansur. M., 2010.
7. Ahmadov Sh.B. Chechnja i Ingushetija v XVIII – nachale XIX veka. Groznyj, 2002.
8. Bennigsen A. Narodnoe dvizhenie na Kavkaze v XVIII v. Mahachkala, 1994.
9. Butkov P.G. Materialy dlja novej istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g. Spb., 1869.
10. Gadzhiev V.G. Rol' Rossii v istorii Dagestana. M., 1965.
11. Garunova N.N. Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoj polovine XIX v. Mahachkala, 2007.
12. Gugov R.G. Kabarda i Balkarija v XVIII v. i ih vzaimootnoshenija s Rossiej. Nal'chik, 1999.
13. Dzhahiev G.A. Rossija i Dagestan v nachale XIX veka. Mahachkala, 1985.
14. Dogovory Rossii s Vostokom politicheskie i trgovnye. Spb., 1868.
15. Idrisov Ju.M. Oчерki istorii severnyh kumykov. Mahachkala, 2014.
16. Istorija Adygei. Majkop, 2009. Т. 1.
17. Istorija Vostoka. M., 2004. Т. 4. Кн. 1.
18. Istorija mnogovekovykh vzaimootnoshenij i edinenija narodov Dagestana s Rossiej. Mahachkala, 2009.
19. Istorija narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v. M., 1988.
20. Kabardino-russkie otnoshenija v XVI – XVIII vv. M., 1957. Т. 2.
21. Kidirnijazov D.S. Nogajcy v XV–XVIII vv. Mahachkala, 2000.
22. Kidirnijazov D.S., Rabadanova A.U., Garunova N.N. Dagestan v politike Rossii, Irana i Turcii v seredine 90-h gg. XVIII v. // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2014. № 5. Ch. 1. S. 207–210.
23. Korolenko P.P. Dvухsotletie Kubanskogo kazach'ego vojska. Ekaterinodar, 1896.
24. Korol'kov M.Ja. Shejh-Mansur Anapskij (Jepizod iz pervyh let zavoevanija Kavkaza) // Russkaja starina. 1914. № 5. S. 414–415.
25. Magomedov R.M. Obshhestvenno-jekonomicheskij i politicheskij stroj Dagestana v XVIII – nachale XIX v. Mahachkala, 1957.
26. Mushadzhiev S.H. Islamskij uzел Kavkazskoj vojny. Majkop, 2006.
27. Oчерki istorii Karachaevo-Cherkessii. Stavropol', 1967. Т. 1.
28. Ratushnyak V.N. Vhozhenie Severo-Zapadnogo Kavkaza v sostav Rossii i ego kapitalisticheskoe razvitie. Krasnodar, 1978.
29. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). Op. 194.
30. RGVIA. Op. 194/1.
31. RGVIA. Op. 194/2.
32. Russko-dagestanskie otnoshenija v XVIII – nachale XIX v. M., 1988.
33. Sмирнов N.A. Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vv. M., 1958.
34. Fadeev A.V. Rossija i Kavkaz v pervoj treti XIX v. M., 1960.
35. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan. F. 379. Op. 1.
36. Chechnja. Istorija i sovremennost'. M., 1996.
37. Chirg A.Ju. Razvitie obshhestvenno-politicheskogo stroja adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konec XVIII – 60-e gg. XIX v.). Majkop, 2002.

38. Shishov A.V. Shvatka za Kavkaz (XVI – XXI vv.) M., 2007.

39. Shherbina F. Istorija Kubanskogo kazach'ego vojska. Ekaterinodar, 1910. T. 1.

North Caucasian vector of Russian foreign policy in the last quarter of the XVIII century

On the background of complex historical events in the last quarter of the XVIII century, the article deals with the role and place of the North Caucasus in international relations. It is shown that there was a band competition with traditional adversaries of the Russian Empire and Persia ports. In addition, due to its geographical location the region was the scene of the collision of Russian and western interests.

Key words: Russia, Turkey, the west, the Caucasus, the Crimea, Iran, the government, orientation, citizenship, army, politics, war, peace treaty.

(Статья поступила в редакцию 10.03.2017)

К.Б. ЛОПИН
(Краснодар)

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КУРЕННОГО ДЖЕРЕЛИЕВСКОГО СЕЛЕНИЯ В ЧЕРНОМОРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Анализируется проблема выбора места первоначального поселения в 1794 г. Джерелиевского куренного селения возле бывшего татарского города Ени-Копыла и его последующего переселения в 1796 г. Во взаимосвязи с историей переселений Джерелиевского куренного общества рассматривается вопрос об основании станицы Новоджерелиевской в 1809 г. Дан обзор историографических ошибок, посвященных данному вопросу.

Ключевые слова: *Ени-Копыл, Джерелиевское куренное селение, переселение, кордон, Свято-Михайловская церковь.*

Весной 1794 г. кошевой атаман З.А. Чепега и депутаты Черноморского казачьего войска предварительно выбрали места на земле Черноморского казачьего войска на правобе-

режье р. Кубани (Черномории) для поселения куренных селений. Затем по казачьему обычаю путем жеребьевки эти места были распределены между куренями. Считается, что таким образом первоначально были основаны 40 куренных селений Черноморского казачьего войска на территории Кубани [9, с. 43]. В числе вновь поселенных селений было Джерелиевское куренное селение. Расположилось оно рядом с Копыльским кордоном у реки Протоки в районе центральной части современного города Славянска-на-Кубани. Сведения о дальнейшей истории данного куренного селения до начала XIX в. в современных работах разнятся и не дают точной картины. В настоящей статье мы рассмотрим на основании архивных данных вопрос о месте расположения Джерелиевского куренного селения в конце XVIII – начале XIX в. в Черномории и сравним полученные данные с современными представлениями об этом периоде в истории поселений у Копыльского кордона.

На официальном сайте администрации Староджерелиевского сельского поселения размещена историческая справка о поселении, автор которой не указан. В справке говорится, что точное время основания станицы неизвестно, но будто она была основана в 1792 – 1794 гг. как один из 38 запорожских куреней. Далее отмечается, что на современном местоположении станица Староджерелиевская оказалась в начале XIX в., до этого времени она располагалась у пограничной линии, где подвергалась постоянным набегам со стороны горских народов [1].

На другом сайте, посвященном истории станицы Староджерелиевской, отмечено, что станица основана в 1794 г. запорожцами-переселенцами и названа Джерелиевским куренем, т.к. на месте поселения были чистые родники, а слово *джерел* на украинском означает «родник». Однако нам точно известно: Джерелиевским курень именовался еще во времена существования Запорожской Сечи. Согласно информации с этого же сайта, первоначально данному куреню было определено место на пограничной линии, где впоследствии была заложена станица Славянская. Летом 1794 г. сюда прибыло на поселение 499 человек, из которых 283 были казаками. Курень подвергался постоянным набегам закубанцев и только в 1807–1808 гг. после неоднократных ходатайств был переселен на современное местоположение станицы Староджерелиевской. Автор данной информации не указан [5].